

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.15>

Найденова Наталья Сергеевна, Комова Дарья Дмитриевна

БИБЛЕЙСКИЙ ИНТЕРТЕКСТ В РОМАНЕ ХОСЕ РЕВУЭЛЬТАСА "СКОРБЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ" ("EL LUTO HUMANO")

Статья посвящена изучению особенностей функционирования интертекста библейского происхождения в художественном тексте. Исследование проведено на материале романа мексиканского писателя Хосе Ревуэльтаса "Скорбь человеческая". Дается общая характеристика романа с выделением основных лингвостилистических средств, используемых автором. Выявляются основные параметры репрезентации библейского мотивного комплекса, состоящие как в прямой цитации, так и аллюзиях, носящих синкретичный характер. Особое внимание уделяется интертекстуальным элементам, апеллирующим к мотиву крестных страданий и Евхаристии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/8/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 8. С. 77-82. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Литература народов стран зарубежья

Foreign Countries Peoples' Literature

УДК 82; 811.134.2
<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.15>

Дата поступления рукописи: 27.04.2019

Статья посвящена изучению особенностей функционирования интертекста библейского происхождения в художественном тексте. Исследование проведено на материале романа мексиканского писателя Хосе Ревуэльтаса «Скорбь человеческая». Дается общая характеристика романа с выделением основных лингвостилистических средств, используемых автором. Выявляются основные параметры репрезентации библейского мотивного комплекса, состоящие как в прямой цитации, так и аллюзиях, носящих синкретичный характер. Особое внимание уделяется интертекстуальным элементам, апеллирующим к мотиву крестных страданий и Евхаристии.

Ключевые слова и фразы: испанский язык; мексиканская литература; художественный текст; Хосе Ревуэльтас; библейский интертекст; кристерос.

Найденова Наталья Сергеевна, д. филол. н., доцент

Комова Дарья Дмитриевна

Российский университет дружбы народов, г. Москва

nns1306@mail.ru; poni1967darcom1@rambler.ru

БИБЛЕЙСКИЙ ИНТЕРТЕКСТ В РОМАНЕ ХОСЕ РЕВУЭЛЬТАСА «СКОРБЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ» («EL LUTO HUMANO»)

*Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
(проект № 19-012-00316).*

XX век – эпоха глубоких преобразований, потрясших мир революций, повлекших за собой социальные, культурные и экономические трансформации. Не явилась исключением и Латинская Америка, в частности Мексика, территория которой с 1910 по 1917 гг. была охвачена гражданской войной. Революция оказала влияние на все сферы общественной жизни, в особенности на религиозную, что нашло отражение в художественном дискурсе. Незаслуженно малое освещение в современной филологии находит исследование отражения религиозного движения «крестиада», развернувшегося в Мексике в 1927-1929 гг. в защиту прав церкви. В мексиканской художественной литературе упоминание крестиады находим, в частности, в сборнике рассказов Хуана Рульфо «Равнина в огне» [9] и романе Агустина Яньеса «Перед грозой» [10]. В 2011 году вышел в прокат фильм совместного производства США и Мексики режиссера Дина Райта «Крестиада», основанный на реальных событиях войны кристерос.

Актуальность исследования обусловлена непреходящим интересом современной филологии к способам и средствам репрезентации социальных явлений в художественном тексте и особенностям воплощения в нем различных мотивных комплексов. При этом особый интерес для исследования представляют собой художественные тексты, носящие синкретический характер, синтезирующие в себе элементы различных, в том числе неблизкородственных, культур.

Научная новизна статьи объясняется тем, что впервые в отечественной филологии подробно рассматриваются отражение событий мексиканской крестиады в художественном тексте и их преломление в творческом сознании писателя сквозь призму евангельских истин.

Цель исследования состоит в проведении комплексного изучения специфики отражения библейских интертекстуальных элементов в романе Хосе Ревуэльтаса «Скорбь человеческая» [8] с особым акцентом на репрезентации в нем евхаристического мотива и мотива крестных страданий.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) проанализировать исторический контекст эпохи, в которую происходит действие романа;
- 2) определить основные лингвостилистические средства, используемые писателем;
- 3) охарактеризовать идиостиль автора в свете общих особенностей, присущих латиноамериканским художественным текстам в целом;
- 4) выявить специфику реализации в романе библейского интертекста;

- 5) изучить особенности репрезентации мотива крестных страданий и евхаристического мотива;
6) проследить корреляцию идей автора с ключевыми положениями латиноамериканской теологии освобождения.

Хосе Ревуэльтас (1914-1976), брат знаменитого композитора С. Ревуэльтаса, с юных лет примкнул к коммунистическому движению, впоследствии был исключен из Компартии Мексики, увлекался троцкизмом, неоднократно подвергался тюремному заключению. «Скорбь человеческая» – один из самых ярких и, пожалуй, известных его романов.

В 1917 г. в Мексике была принята конституция, лишившая церковь права владеть недвижимым имуществом, включая храмовые сооружения, упразднены монастыри, запрещались религиозное обучение и деятельность организаций, аффилированных с церковью. Священнослужители лишались избирательного права, и им не разрешалось появляться в облачении на улицах и в общественных местах. Апогея гонения на церковь достигают с приходом к власти Плутарко Кальеса. 31 июля 1926 г. начинается забастовка священнослужителей, повсеместно прекращаются богослужения. В январе 1927 г. началась кристиада – состоялись первые вооруженные выступления отрядов кристерос в защиту церкви в центральных штатах страны (Халиско, Мичоакан, Сан-Луис-Потоси, Гуанахуато, Колима, Дуранго). Своё наименование кристерос получили благодаря своим противникам, которые в насмешку искажали их боевой клич ¡Viva Cristo Rey!

Изначально кристерос, как правило, действовали небольшими конными группами от 20 до 100 всадников. Организованную форму движение приобрело в середине 1928 г., когда на базе отдельных отрядов была создана Национальная гвардия под командованием генерала Э. Горостieta, которая к июню 1929 г. насчитывала 25000 солдат. 21 июня 1929 г. при посредничестве США и Ватикана состоялось подписание документов, положивших конец трехлетнему острому конфликту (так называемые *ateglos*), после чего начались массовое возвращение священников в свои приходы, передача зданий храмов церкви, возобновились богослужения. В августе 1929 г. армия кристерос была распущена [5].

Исследователи кристиады отмечают особый моральный дух, который царил в армии кристерос, а именно религиозную экзальтацию в условиях невозможности официального отправления культа священниками. В дискурсе кристерос частотны апеллирование к текстам Священного Писания, проекция библейского хронотопа на текущую ситуацию – так, президент Кальес именуется фараоном, а кристерос – избранным народом, борющимся за исход из египетского плена. Погибшие кристерос получали статус мучеников, а некоторые впоследствии были канонизированы, как, например, отрок Хосе Санчес дель Рио по прозвищу Тарцизий, казненный после жесточайших пыток, но не отрекшийся от веры.

Основное действие романа происходит после окончания революции и роспуска армии кристерос. Умирает полуторогодовалая Чонита. Отец ребенка Урсоло просит помощи у Адама, чтобы привезти священника для отпевания. По дороге священник убивает Адама, так как тот в свое время вероломно расправился с множеством бойцов кристерос. Начинается сильная гроза, повлекшая за собой наводнение. Священник и три семейные пары пытаются спастись бегством от бушующей ослепившей их стихии, но в итоге понимают, что все время ходят вокруг своего дома. В конце романа они поднимаются на крышу, где вместе со стервятниками ждут смерти.

Насколько прост сюжет романа, настолько же сложен его хронотоп, носящий во многом фрагментарный характер. Автор постоянно выводит повествование за жесткие временные рамки. Так, о смерти ребенка, с которой начинается роман, он впоследствии говорит следующее:

Chonita había muerto muchos, muchísimos años antes, fruto misterioso de la desesperanzada tierra [8, p. 299].

Чонита, таинственный плод отчаявшейся земли, умерла много, очень много лет назад (здесь и далее перевод авторов статьи. – Н. Н., Д. К.).

Линейность повествования нарушается ретроспекциями персонажей и рассказами о доиспанском периоде мексиканской истории. В воспоминаниях появляется и фигура Нативидада, борца за права народа, стремящегося к модернизации и прогрессу, который был убит наемником Адамом.

Из реминисценций персонажей читатель узнает о восприятии народными массами кристиады и понимании ими христианской веры:

...aquí había otro Dios y otra Iglesia. El Cristo de esta tierra era un Cristo resentido y amargo [Ibidem, p. 38].

...здесь был другой Бог и другая Церковь. Христос этой земли был Христом негодующим и ожесточенным.

И далее:

La religión de los cristeros era la verdadera Iglesia, hecha... de toda la miseria de un pueblo oprimido [Ibidem]...

Настоящей Церковью была религия кристерос, сотканная... из всей скорби угнетенного народа...

Живая вера народа изображается и в эпизоде казни солдата-кристеро:

– Y por qué andas de cristero? – continuó el oficial...
– Por qué ha de ser, señor – repuso el indígena... – si quieren matar a Diosito.
Diosito querido, de tepalcate, que era como su cobija, de lana burda y primitiva [Ibidem, p. 117-118].

– Ты зачем пошел в кристерос? – продолжил офицер...
– Ну как же, сеньор, – ответил индеец... – ведь хотя Боженьку убить.
Его любимого Боженьку, который, как и его пончо, соткан из тепалькаты, грубой и допотопной шерсти.

Литературовед Хосе Агустин отмечает, что в произведениях Ревуэльтаса сосуществуют «марксизм, экзистенциализм и религиозность Достоевского» [6, p. 9-10]. Хосе Ревуэльтас именуется свой стиль «диалектическим реализмом», который проявляется как на уровне сюжета, так и создания художественных образов [7]. Персонажи романа антиномичны. Так, социалист Нативидад воплощает в себе фигуру Христа, а его убийца Адам – Иуду, а вместе они представляют собой еще и два лица революции. Для Нативидада революция подобна женщине:

...encontrar la Revolución, ir, tomarle la mano, unírsele... Революцию надо было найти, взять за руку, слиться с ней, чтобы от нее могли родиться дети, дома, las casas, la tierra, el cielo, la patria entera [8, p. 239-240]. земля, небо, родина.

Для Адама же революция – это беспорядок и кровавая игра (un desorden y un juego sangriento), возможность обнажить животную сторону своей природы (ejercitar... su... barbarie) [Ibidem].

Антиномична и фигура Адама, образ которого в латиноамериканском художественном сознании носит знаковый характер [3, с. 219]. Адам описывается как «нереальный, мифический <человек>, для которого убийство представляется чувственным и жарким, а теплота крови необходимой» (<hombre> irreal, mitológico... el homicidio parecía serle sensual y cálido, y la tibieza de la sangre necesaria...) [8, p. 27]. Твердая поступь Адама «словно принадлежит земле» (como si perteneciera <n> a la tierra misma...) [Ibidem, p. 33]. Его образ построен на ярко выраженных противоречиях:

Adán estaba hecho de una liturgia... sangrienta, cuyo Адам был воплощением кровавой литургии... ритуал rito era la negación por la negación misma... Adán era которой состоял в отрицании самого отрицания... la impotencia llena de vigor, la indiferencia cálida, la Адам был бессилием, исполненным мощи, горячего arapía activa [Ibidem, p. 30]. безразличия, активной апатии.

Антиномия заключается и в образе умершей в начале романа девочки по имени Чонита, полностью Энкарнасьон, то есть Боговоплощение, Благовещение, один из символов связи Ветхого и Нового Заветов, возвешение о зарождении новой жизни. С другой стороны, в лице Чониты умирает старая, традиционная сельская культура Мексики, рушится привычный патриархальный уклад.

В романе представлены ключевые составляющие латиноамериканского образа мира по А. Ф. Кофману. В центре романа – сакральный для мексиканцев культ смерти. Смерть можно даже назвать одним из персонажей романа [Ibidem, p. 165] – она упоминается в эпиграфе книги, содержащем слова поэта А. К. Альвареса, ей посвящены первые строки и заключительная сцена романа. Смерть персонифицируется:

La muerte estaba ahí, blanca, en la silla [Ibidem, p. 7]... Смерть была там. Она была белая и сидела на стуле...

Описание смерти сопровождается эпитетами «нежная» (tierna), «кровавая» (sangrienta), «трагическая» (trágica). Смерть уподобляется рептилии, гадюке с бесстрастными холодными глазами [Ibidem, p. 35-36]. Как отмечает А. Ф. Кофман, «постоянно подчеркивая связь смерти с теллурическими силами, прежде всего с водой и землей, автор утверждает амбивалентный жизнепорождающий образ смерти» [4, с. 148].

Наиболее частотной фигурой, используемой в романе, является персонификация. Персонифицируются страны света, элементы природной стихии (река, ветер), времена суток (утро, ночь), небесные светила (солнце). Яркими антропоморфными чертами наделяется река: она бьет, ее можно взять в плен и запереть ее. Она обладает упрямством и капризна. Эпитеты, применяемые к реке: «проклятая» (maldito), «лукавая» (taimado), «покоряющая» (vencedor) [8, p. 266-267], «грязная река, наполненная кровью, с незрячими глазами и стиснутыми зубами» (rio sucio, con sangre, con ojos ciegos, con dientes apretados) [Ibidem, p. 271].

Повествование метафорично. Так, воздух подобен пламени свечи, слова – углям. Частотно сравнение с рептилиями – буря уподобляется ящерице, река – змее или ящерице, рептилией именуется и смерть. Метафоры в тексте возникают в точках пересечения культурных кодов. Человек уподобляется и камню [Ibidem, p. 23, 87], и воде [Ibidem, p. 19]. Зооморфные метафоры служат для характеристики человека: человек именуется «темным животным» (animal oscuro) [Ibidem, p. 245], у которого зубы, как у элоте; псом ixcuintle, появившимся на свет еще до открытия Америки. Часто задействуется сакральная для мексиканцев мифологема орла и змеи:

Descendían de la adoración por la muerte, de las viejas caminatas donde edades enteras iban muriendo, por generaciones, en busca del águila y la serpiente [Ibidem, p. 23]. Они – потомки культа смерти, старых путей, на которых целые поколения погибали в поисках орла и змеи.

Виоленсия, характерная для мексиканского художественного дискурса в целом, отражается в легенде происхождения человечества:

...una antigua leyenda del país contaba de la diosa indígena que pariera desde el cielo un cuchillo de obsidiana. Al estrellarse, de las astillas negras y relucientes del cuchillo había nacido la primera pareja humana, y de la primera la segunda, y de la segunda, la tercera, hasta hoy. Abraham engendró a Isaac, Isaac engendró a Jacob, Jacob engendró a Judas y sus hermanos [Ibidem, p. 89-90]. ...согласно одной древней легенде, индейская богиня родила и сбросила на землю обсидиановый нож, и когда он разбился от удара на черные сверкающие полоски, от них родилась первая пара людей, а от первой – вторая, а от второй – третья, и так до сегодняшнего дня. Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, Иаков родил Иуду и братьев его.

Приведенная цитата представляет собой яркий пример синкретичного нарратива автора, в котором традиционные верования описываются сквозь призму христианства.

Библейский мотивный комплекс репрезентируется как прямыми цитатами, так и аллюзиями, восходящими к Ветхому и Новому Заветам. При этом библейские элементы синтезируются с мифологическими. Например, действие романа происходит под проливным дождем, превращающимся в наводнение, что одновременно апеллирует и к истории о вселенском потопе (сам автор употребляет термин *Diluvio* [Ibidem, p. 27]), и к идее хаотичности латиноамериканского мира. В хаосе, по словам писателя, смешиваются «ненависть и любовь... люди и животные... боги и горы» (*odio y amor... animales y hombres... dioses y montañas*) [Ibidem, p. 35]. Бегство персонажей от бушующей стихии Ревуэльтас именуется исходом (*exodo*). Исход может иметь двойственное прочтение: как библейская аллюзия на исход евреев из Египта и мифологическая – переселение ацтеков под предводительством бога Уицилопочтли в поисках знака того, где основать Теночтитлан.

Смещение языческих культов и христианства, преломляемое через идею виоленсии, мы наблюдаем и в следующем отрывке:

Siempre un cura a la hora de la muerte. Un cura que extrae el corazón del pecho con ese puñal de piedra de la penitencia, para ofrecerlo, como antes los viejos sacerdotes en la piedra de los sacrificios, a Dios [Ibidem, p. 9]...

Всегда в час смерти появляется священник. Священник, который вырывает сердце из груди усопшего своим каменным ножом покаяния и приносит его Богу, как раньше жрецы возлагали его на жертвенник...

Новозаветные аллюзии представлены, например, Песнью Богородицы «Величит душа моя Господа» (*Magnificat*) [Ibidem, p. 76].

Однако наиболее насыщенный библейский интертекст представлен аллюзиями на евангельские эпизоды, посвященные распятию и крестным страданиям. Кактус *poral* с его «красными цветами» и «распростертыми руками» уподобляется «индейскому кресту», «робкому и смиренному» [Ibidem, p. 48]. Глагол «распирать» (*crucificar*) употребляется применительно к Нативидаду, воплощающему в романе фигуру Христа [Ibidem, p. 164].

Мотив крестных страданий самобытно представлен в эпизоде, где народ знакомится с манифестом архиепископа епархии Уэхутлы, сочувствующего кристерос, призывающим к неповиновению властям.

Sobre el tablero de la iglesia, en el atrio, donde fijábanse avisos religiosos, hoy un mensaje iracundo, con sus caracteres negros, con su negra cruz a cuyo pie podía leerse el nombre del obispo de Huejutla [Ibidem, p. 267-268].

На доске объявлений в церкви в притворе, где обычно вешали объявления, сегодня появилось гневное послание черными буквами с черным крестом за подписью епископа Уэхутлы.

Текст манифеста прерывается тремя вставками. В первой народ гадает, где же находится Уэхутла:

Nadie conocía en el pueblo al obispo de Huejutla, ni siquiera en qué lugar del país encontrábase Huejutla. ¿Dónde? Algunos afirmaban enfáticamente que en Sonora, otros que en Chiapas, y hasta no faltó quien dijera que en Yucatán [Ibidem, p. 268].

Никто в деревне не знал епископа Уэхутлы, не знал даже, в какой части страны она находится. Где же? Одни истово утверждали, что в штате Сонора, другие – что в Чиапасе, а кто-то даже сказал, что на Юкатане.

Следующие две вставки повествуют о жестоких расправах со своими противниками со стороны кристерос, а затем и федеральных войск, причем обе они связаны с мотивом крестных страданий и распятия.

Aquella vez que trajeron consigo a un joven maestro rural, cortáronle la lengua, en las afueras del pueblo. Parecía como si el muchacho estuviera bebiendo sangre a cubos.

– No quieres un poquito de mezcal – le preguntó Guadalupe, el jefe cristero, – para que te refresques?.. <...>

Trajeron una jícara llena y con un marrazo abrieronle al maestro los apretados dientes, para que tragara la lumbre, el fuego aquel [Ibidem, p. 268-269]...

Когда они привели с собой молодого сельского учителя, они отрезали ему язык на окраине деревни. Он выглядел так, словно выпил ведро крови.

– Не хочешь ли мескаля? – спросил командир отряда кристерос по имени Гуадалупе, – чтобы освежиться... <...>

Принесли сосуд, полный мескаля, перочинным ножом разжали учителю зубы и заставили его проглотить горячительный напиток...

Данная сцена структурирована наподобие описания голгофских страданий в Евангелии от Матфея: «И, придя на место, называемое Голгофа, что значит: Лобное место, дали Ему пить уксуса, смешанного с желчью; и, отведав, не хотел пить» (Мф. 27:34).

Мотив крестных страданий присутствует и в следующей вставке, повествующей об экзекуции солдата кристеро:

Un soldado cristero fué herido en forma horrible. <...> ...<cauyó> junto a los pies de la Cruz, una que había a la entrada del pueblo. Nadie lavó la sangre de aquella cruz, que, dijo la gente, empezó a crecer como un árbol, cual si la sangre fuese el agua necesaria, la indispensable levadura [Ibidem, p. 270].

Солдат кристеро получил ужасное ранение. <...> ...он <упал> у подножия Креста, который стоял у въезда в поселок. Никто не смывал кровь с этого креста, который, согласно народной молве, зацвел, как дерево, как будто кровь была живительной водой, необходимой закваской.

Помимо прямого упоминания креста, в этом фрагменте мы видим аллюзию на процветший жезл Аарона (Чис. 17:1-8) и на уподобление Царствия Небесного закваске (Мф. 13:33).

Евхаристический мотив связан с образом Нативидада:

Para Natividad... la vida era enormemente rica, fértil [Ibidem, p. 206]... Для Нативидада... жизнь была очень насыщенной, плодородной...

Как и многое в романе, фраза может иметь двойное толкование: плодородная земля как константа мексиканского образа мира или же аллюзия на слова Христа «Я пришел для того, чтоб имели жизнь, и имели с избытком» (Ин. 10:10). Неслучайно и имя героя – дословно «Рождество», рождение новой жизни и нового народа.

Наиболее ярко евхаристическая аллюзия проявляется в следующем фрагменте:

Natividad era un hijo de las masas; en ellas nutría su poderosa fé. Las masas repartían el pan de la Historia y de este pan alimentábase Natividad... un pan de cada día... Un pan secreto y nuevo, nutricio, inmortal, immortalizador [Ibidem, p. 287]. Нативидад был сыном народа; в нем он черпал свою крепкую веру. Народ делил между собой хлеб Истории и этим хлебом насыщался Нативидад... хлебом насущным... Хлебом тайным и новым, бессмертным и творящим бессмертие.

В данном фрагменте прослеживается аллегорическое изображение хлеба, претворяемого в ходе Евхаристии в плоть Христа, принятие которой обновляет естество причастников, направляя их души на путь спасения. Ср.: «Я – Хлеб Живой, спешший с Небес. Ядущий Хлеб сей будет жить во век» (Ин. 6:51).

В романе Ревуэльтаса находят отражение и основные положения возникшей на латиноамериканском континенте теологии освобождения. Теология освобождения синтезирует в себе марксизм и Евангельские истины, вследствие чего Христос выступает не только искупителем человеческого греха, но и как освободитель «проклятым заклейменным». Теология освобождения представляет собой попытку «систематического богословского осмысления социального вопроса» [1] и новой трактовки Священного Писания, доказывая посредством этого взаимообусловленность спасения души и борьбы за социальную справедливость. Так, один из основоположников движения, Г. Гутьеррес, называет теологию освобождения «политической герменевтикой Писания». Это новое теологическое направление предполагает выход на арену борьбы за социальную справедливость с обновленным Словом Божиим. В латиноамериканской теологии освобождения акцентируются идеи мессианства и профетизма [2]. В числе наиболее используемых библейских книг – книга Исход и Евангелие.

Хотя теология освобождения обрела оформленные черты два десятилетия спустя выхода в свет романа Ревуэльтаса, ее идеи прослеживаются в нем довольно четко. Так, лейтмотивом теологии освобождения выступает осознание факта угнетения народных масс в Латинской Америке [Там же]. В романе подчеркивается многовековое унижение простых людей («...их унижали... с рождения» – ...la gente era una gente humillada... desde su nacimiento [8, p. 20-21]), и их отношение к жизни характеризуется как «фатализм, унылое многолетнее смирение», «внутренняя апатия» (apatía interior), которая неизбежно влечет за собой новые преступления [Ibidem]. Все, что связано с индейцами, сопровождается эпитетами «печальный» (triste), «смирившийся» (resignado), «пыльный» (polvoriento), «униженный» (humillado), «робкий» (tímido). «Исход» выступает осью хронотопа романа. Мессианскими чертами наделена в романе фигура Нативидада:

Hombres como Natividad levantaríanse una mañana sobre la tierra de México, una mañana de sol [Ibidem, p. 286]. Такие люди, как Нативидад, встанут однажды утром над Мексикой, однажды солнечным утром.

Нативидад воплощает собой фигуру Христа: он не умирает, но призван воскреснуть и освободить свой угнетенный народ.

Неслучайно писатель упоминает и «Песнь Богородицы», в которой говорится об освобождении угнетенных:

Extendió el brazo de su poder y dispó el orgullo de los soberbios trastornando sus designios [Ibidem, p. 77]... Явил силу мышцы Своей; рассеял надменных помышлениями сердца их; низложил сильных с престолов (Лк. 1:46-55)...

Итак, роман Ревуэльтаса «Скорбь человеческая» отличается присущим латиноамериканскому художественному дискурсу синкретизмом: в нем открывается загадочный, теллуричный образ мира Мексики. «Диалектический реализм» писателя проявляется в амбивалентных, противоречивых образах, синтезе христианства и праисторической мифологии, находящем отражение в библейском интертексте, основными составляющими которого являются мотив крестных страданий и евхаристический мотив. Элементы библейского происхождения, выявленные в тексте, восходят как к Ветхому, так и Новому Заветам. При этом они носят синкретический характер, отсылая читателя как к Священной истории, так и к индейской мифологии. Метафорика крестных страданий и Евхаристии строится на собственно мексиканской образной основе, где кактус уподобляется индейскому кресту, а мескаль – уксусу. В романе можно заметить основные черты зародившейся на латиноамериканском континенте теологии освобождения, репрезентируемые в том числе сквозь призму евхаристического мотива и мессианизма. Роман Ревуэльтаса «Скорбь человеческая», новаторский для своего времени, во многом выступает предтечей произведений Х. Рульфо и К. Фуэнтеса.

Список источников

1. **Выжнанов И.** «Теология освобождения» в Римско-католической церкви: история движения [Электронный ресурс]. Ч. 1. URL: <https://www.portal-slovo.ru/theology/44804.php> (дата обращения: 27.04.2019).
2. **Заритовская З. А.** Теология освобождения [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01f70b80bc75ae3f6f0df6> (дата обращения: 27.04.2019).
3. **Кофман А. Ф.** Латиноамериканский художественный образ мира. М.: Наследие, 1997. 318 с.
4. **Кофман А. Ф.** Литература Мексики // История литератур Латинской Америки: в 5-ти ч. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Ч. 1. XX век: 20-90-е годы / отв. ред. В. Б. Земсков. С. 107-195.
5. **Ларин Н. С.** Борьба церкви с государством в Мексике (восстание «кристерос» 1926-1929 гг.). М.: Наука, 1965. 316 с.
6. **Agustín J.** Los relatos de José Revueltas // Revueltas J. La palabra sagrada. México: Era, 1999. P. 9-14.
7. **Lemus Martínez M. M.** Sobre El Luto Humano de José Revueltas y el drama de México // Temas y Variaciones de Literatura. 2014. Vol. 43. P. 161-171.
8. **Revueltas J.** El Luto Humano. México: Editorial México, 1943. 299 p.
9. **Rulfo J.** El llano en llamas. Buenos Aires – México: Fondo de Cultura Económica, 1959. 143 p.
10. **Yañez A.** Al filo del agua. La Habana: Casa de las Américas, 1975. 449 p.

**BIBLICAL INTERTEXT
IN THE NOVEL “HUMAN MOURNING” (“EL LUTO HUMANO”) BY JOSÉ REVUELTAS**

Naidenova Natal'ya Sergeevna, Doctor in Philology, Associate Professor
Komova Dar'ya Dmitrievna

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
nns1306@mail.ru; poni1967darcom1@rambler.ru

The article is devoted to the study of the functioning features of biblical intertext in a fiction text. The study is based on the material of the novel “Human Mourning” by the Mexican writer José Revueltas. The general characteristic of the novel is given highlighting the main linguo-stylistic means used by the writer. The authors identify the main parameters of the biblical motive complex representation consisting both in direct citation and allusions that are syncretic. Particular attention is paid to intertextual elements appealing to the motive of sufferings on the cross and the Eucharist.

Key words and phrases: Spanish language; Mexican literature; fiction text; José Revueltas; biblical intertext; Cristeros.

УДК 82.398.22

Дата поступления рукописи: 20.05.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.16>

В статье рассматриваются художественные особенности варианта эпоса «Семетей» известного сказителя XX века Молдобасана Мусулманкулова, которые отличают его от других вариантов эпоса. Это, прежде всего, причины, которые в эпосе «Семетей» приводили к столкновениям между киргизскими родами, изображение лиро-романтического мотива, связанного со свадьбой богатыря, ход процесса генеалогической циклизации продолжения дела отца в этических произведениях, а также сравнение образа главного героя Семетей с его изображением в других вариантах эпоса.

Ключевые слова и фразы: эпос «Семетей»; М. Мусулманкулов; лиро-романтический мотив; образ Семетей; мотив женитьбы богатыря; генеалогическая циклизация.

Омуралиева Жанар Орозалиевна

*Институт языка и литературы имени Ч. Айтматова
Национальной академии наук Кыргызской Республики, г. Бишкек
vip.omuralieva@inbox.ru*

**ОТДЕЛЬНЫЕ СЮЖЕТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ЭПОСЕ «СЕМЕТЕЙ»
(ПО СКАЗИТЕЛЬСКОМУ ВАРИАНТУ МОЛДОБАСАНА МУСУЛМАНКУЛОВА)**

Эпос «Семетей» – вторая часть трилогии «Манас». Его первые публикации и исследования принадлежат зарубежным ученым Ч. Валиханову, В. В. Радлову, Г. Алмаши и другим. Эпос «Семетей» по своей поэтичности, сложности образов, ничуть не уступая эпосу «Манас», привлекал к себе внимание многочисленных исследователей. Например, Ч. Валиханов в своем труде «Очерки Джунгарии» отметил, что эпос «Семетей» является «Одиссеей» бурутов (кыргызов), что он служит продолжением эпоса «Манас», что для непрерывного исполнения «Манаса» не хватит и трёх дней, что и сказывание «Семете» займет не меньше времени [8, б. 69].

Одним из крупных семетейчи (сказителей эпоса «Семетей») XX века, которые собирали тысячные аудитории слушателей и были способны денно и ночью сказывать эпос, был Молдобасан Мусулманкулов. К сожалению, до сегодня его вариант не стал объектом специального комплексного научного исследования. Текст этого варианта содержит значительный пласт исламской религиозности, поэтому подвергался жесткой идеологической цензуре в советское время. В кыргызской фольклористике по объему и содержательной глубине этот вариант принадлежит к лучшим образцам, содержит в себе практически все характерные черты